

Екабпиле). Впоследствии там появились старообрядцы и литовские евреи [3, с. 265–266]. Также в XVII в. там был основан православный Свято-Духовский Якобштадтский монастырь, в связи с чем город Якобштадт стал настоящим центром православия в Курляндии [2, с. 246–247]. Возможно, названные «русак» искали в сохранявшем нейтралитет герцогстве убежища от неурядиц польско-русской 1654–1667 гг. или польско-шведской 1655–1660 гг. войн.

Описанный документ порождает много вопросов. В конце концов, неизвестно, отправились ли упомянутые «русак» или хотя бы часть из них в Норвегию – для выяснения этого требуются более углубленные архивные изыскания. Тем не менее представляется, что данный эпизод достоин дальнейшего изучения (в частности, методами филологии), ведь участие выходцев из белорусских земель в деятельности колониального поселения герцога Якоба в Норвегии может значительно расширить наши представления о территориальной мобильности «белорусских» простолудинов во второй половине XVII в.: приведенные выше имена говорят, очевидно, о неблагородном происхождении их носителей, которые могли быть либо крестьянами, либо мещанами. Кроме того данный источник может предоставить сведения иного порядка: характер «трудовых контрактов» XVII в., условия труда, вознаграждение за него и т.д.

1. Евстратьев, О.И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О.И. Евстратьев // «Социально-гуманитарные знания»: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 ноября 2015 г. // РИВШ; под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–49.
2. Евстратьев, О.И. Якоб Кеттлер: «курляндский след» в истории Беларуси / О.И. Евстратьев // *Alba Ruscica: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций* / А.В. Мартынюк [и др.]; под ред. А.В. Мартынюка. – М.: Квадрига, 2015. – С. 224–249.
3. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 305 с.
4. Погорельный, А. С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии / А. Погорельный // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.aif.by/timefree/history/item/26645-vkl.html>. – Дата доступа: 15.02.2017.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Ряшенко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. Г. А. Богатовой [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – 298 с.
6. Eckert, W. Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus: Ein Beitrag zur Staats- und Wirtschaftspolitik Herzog Jakobs von Kurland (1642–1682) / W. Eckert. – Riga: G. Löffler, 1927. – 272 S.
7. Igals, F. Kursemneeku kolonijas Norveģijā / F. Igals // *Brihwas Zemes Ilustretais Peelikums*. – 1934. – № 21–23.
8. Jakovļeva, M. Engures dzelzniecības darība 17.–18. gadsimtā / M. Jakovļeva // *Latvijas vēstures institūta žurnāls*. – 2001. – № 1 (38). – 54.–83. lpp.
9. LVVA, фонд 554, опись 1, дело 837. Корабельные счета 1654–1668. Переплетенная в пергамент тетрадь с указателем герцогских кораблей.
10. LVVA, фонд 554, опись 1, дело 2057. Прошения с приложениями 1755 г. (Январь, Март, Июнь–Октябрь).
11. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – 1015 S.
12. Olbrychski, A. Tobago: zamorskie kresy Rzeczypospolitej / A. Olbrychski // *Histmag.org* [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://histmag.org/Tobago-zamorskie-kresy-Rzeczypospolitej-9488>. – Дата доступа: 15.02.2017.
13. Ziegenhorn, C. G. von. Staatsrecht der Herzogthümer Curland und Semgallen / C. G. von Ziegenhorn. – Königsberg: J. J. Kanter, 1772. – 476 S.

Фельдман Д.З.

ДОКУМЕНТЫ РГАДА ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ XVII в.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

В предыдущей работе нами были подведены основные итоги изучения документов РГАДА по истории евреев Беларуси кон. XVIII – нач. XIX в. [11]. Как отмечалось, данный архив обладает значительным количеством материалов по истории евреев, в том числе белорусских, за XV–XX вв. Поскольку в РГАДА почти полностью отсутствуют сколько-нибудь компактные и цельные документальные комплексы данного профиля, чьими фондообразователями были бы еврейские учреждения, организации или деятели, то зачастую мы имеем дело не с массовыми, а скорее с единичными источниками или их небольшими группами. Особенно это касается раннего периода российской истории, когда была преодолена Смута и московский престол заняли представители династии Романовых.

С постепенным возрождением академической иудаики в постсоветской России в начале 1990-х гг. началось активное вовлечение в круг исследований новых исторических источников. Настоящая работа призвана обобщить некоторые итоги работы с документами РГАДА по истории белорусских евреев XVII в. За прошедшие годы на базе его документального собрания разрабатывалось большое количество частных вопросов еврейской истории России периода Средневековья. В связи с тем, что количество таких материалов довольно велико, мы остановимся

лишь на нескольких, на наш взгляд, наиболее важных и интересных видах документов – делах десятен и крестоприводных книгах.

Историография истории евреев в России XVII в. насчитывает определенное число работ, подавляющее большинство которых опубликовано в дореволюционный период. Среди них выделяются статьи Ю.И. Гессена, основанные на архивных источниках [1; 3]. Однако до недавнего времени к исследованиям в иудаике практически не привлекались такие документы, как «дела десятен», отложившиеся в деятельности Разрядного приказа и содержащие важную информацию о евреях, попавших на территорию Московского государства.

Десятни, составленные в Разряде, аналогичны писцовым книгам и тесно с ними связаны. Но если писцовая книга содержит описание служилого землевладения (поместий и вотчин), то десятня описывает самих служилых землевладельцев, констатируя обязанность записанного в нее к личной военной службе и право этого лица на известный поместный и денежный оклад; таким образом десятни получили значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем [10, с. 66, 69]. Вместе с тем в составе данной группы источников отложились документы, не имеющие прямого отношения к землевладению служилых людей и отражающие иные вопросы, которые находились в ведении Разряда – например, о положении и судьбе пленных, попавших в Россию во время Русско-польской войны 1654–1667 гг., а также «переведенцах» из одной местности страны в другую и «выходцах» в Московию из соседних стран.

В ходе этих военных действий в России оказалось значительное число пленных, среди которых находились польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских общин [2, с. 22–29]. При этом к «старозаконным полякам» применялись те же правила, которые были установлены и для остальных захваченных в плен мирных жителей. Возможность укоренения евреев в новой стране находилась в прямой зависимости от их крещения, поскольку принятие иноверцами христианства означало получение ими свободы и обширных льгот вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. Некоторые из них воспользовались сложившейся ситуацией и, крестившись, постепенно растворились в окружающем населении [2, с. 10].

В одной из рукописных книг-десятен, в «Деле об отсылке пленных поляков и литовцев, присланных в Разряд стольником и воеводой кн. И.А. Хованским «с товарищи», из Москвы в понизовые города» 1659 г. упоминается пленный мявилковский еврей Марчко Самойлов [9, л. 132 об.]. Он оказался в группе, присланной в столицу 6 марта 1659 г. по росписи «полских и литовских взятых людей, которые взяты на бою» 29 января в мест. Мявилове, Курейце и Поставах – всего 190 чел. «всяких чинов людей». В Москве все пленные поляки, литовцы и евреи, так же как иноземцы-выходцы, приводились в Разрядный приказ, откуда рассылались по внутренним городам – понизовым и сибирским, или отправлялись служить во дворы городских жителей. По указу царя от 22 апреля и по памяти из Разряда большая часть пленников была отправлена в Казанский приказ, а оттуда их велено было «послать в понизовые города и устроить в службу»; некоторые из них были «отданы в боярские дворы». Указанная десятня содержит и другие сведения об оказавшихся в России еврейских пленных и их дальнейшей судьбе.

В то же время нам известно о фактах добровольного приезда евреев из различных мест в Московское государство, где, как правило, они сначала попадали в столицу. В той же книге из фонда Разрядного приказа имеется «Роспись жидам и их женам и детям и челядникам, которые из Ярославля посланы в Казань с отставным с Иваном Урпеневым» [9, л. 112–118]. Место выхода евреев источник не указывает. Документ отмечает только, что в России они появились прежде всего в Новгороде, откуда были перевезены в Ярославль, а затем отправлены в Казань, которая в сер. XVII в. являлась конечным пунктом для многих «еврейских» групп. Если бы это были выходцы из Литвы, то они нашли бы более близкий путь, чем через Новгород; могли появиться в Торопце, Великих Луках или других порубежных городах, находившихся южнее. Так, из документов Разряда известен факт отправки пленных евреев в 1655 г. из Брянска в Казань через Калугу, Переяславль-Рязанский и Нижний Новгород. Новгород же Великий был ближайшим пунктом на пути из Ливонии и Западной Европы. Поэтому можно предположить, что эта партия евреев вышла именно отсюда. Выходцы были весьма состоятельные: в перечне вышедших семей нередко встречаются «челядники» из евреев же, а один из них, как показывает роспись, был в России крещен.

Роспись зафиксировала 30 полных и неполных семей (а также одну вдову без близких родственников) с различным семейным составом: муж с женой и детьми, супруги с детьми, с сестрой или братом, с матерью, тещей, зятем или шурином, вдова с детьми и их семьями, одинокий

отец с детьми, брат с сестрами и т.д. В тексте при некоторых вдовах иногда упоминаются «хлопцы» или «девки»: это либо неродные, приемные дети, либо внебрачные дети, родившиеся после смерти мужа. В завершающей документ записи новгородского пристава, сопровождавшего группу до Ярославля, сообщается, что три еврея – двое мужчин и женщина – умерли в дороге, «едуци из Новагорода», и один умер в уже Ярославле; кроме того, один еврей-«челядник» остался в Новгороде креститься [9, л. 117 об. – 118]. Всего же, согласно перечню, в Московию добровольно вышло 176 чел.

В росписи не определено время ее составления, но управляющий МАМЮ Н.В. Калачов и секретарь архива Н.Н. Оглоблин относили ее к 1653–1654 гг., так как она помещена в одной десятне вместе с «Записной книгой литовских выходцев в Москву 7162/63 г.» [4, с. 408]. Другие документы этой десяти также относятся к указанному времени.

Наконец, по десятиям можно проследить судьбу некоторых евреев-выкрестов, поступивших на службу в русскую армию. В одной из книг обнаружена запись от 12 октября 1664 г. о выдаче «государева денежного жалованья месячного корму» капитану «солдатского строя» Даниле Еремееву. Его еврейское происхождение «выдали» расписки на еврейском языке о получении жалованья по 11 руб. за разные месяцы [8, л. 46, 52 об., 57 об., 63 об., 68 об.]; видимо, русской грамоте он еще не был обучен.

В ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. большая масса еврейского населения Великого княжества Литовского (ВКЛ) оказалась на территории, завоеванной войсками царя Алексея Михайловича. Часть населения захваченных русскими земель давала присягу на верность российскому царю или принимала православие и заносилась в крестоприводные книги; среди городских жителей в этих рукописных источниках мы встречаем и евреев.

Каким же образом евреи попадали в крестоприводные книги? Почему именно эти лица, а не основная масса членов еврейских общин, присягали московскому царю? Возникает множество вопросов при изучении этих книг. Однако здесь мы сталкиваемся с малоизученностью данной проблемы. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют какие-либо специальные работы, посвященные исследованию крестоприводных книг как исторического источника, в частности доподлинно неизвестна методика их составления. Не обращались историки к вопросу о механизме приведения к присяге различных категорий населения. Известно, например, что сословно организованная шляхта присягала почти поголовно. Можно предположить, что скорее всего в число принявших присягу на верность русскому царю попадали те евреи, которые находились в осажденных городах: как собственно жители этих городов, так и некоторых окрестных местечек, находившиеся в городах по своим делам. Как видно из крестоприводных книг, их количество относительно невелико по сравнению с общей численностью еврейского населения городов. По-видимому, во время боевых действий еще до начала осады многие из них покинули свое жилье, и в городах остались лишь те жители, которые по той или иной причине не смогли этого сделать. Тем не менее, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что евреи шли принимать присягу по своей инициативе. Такая добровольность может быть объяснена тем, что евреям нужно было закрепиться в новой обстановке, чтобы обезопасить себя от новых гонений и притеснений со стороны русских военных властей.

В фонде Смоленского приказа сохранились рукописные «Книги записные покоренных российским оружием поветов и волостей приведенных к присяге в верности и подданстве государю царю Алексею Михайловичу новозавоеванной шляхты, мещан и всякого звания и чина людей с 1 октября 1655 г. по 24 февраля 1660 г.» В двух крестоприводных книгах ВКЛ обнаружены списки евреев, которые приняли присягу на верность Алексею Михайловичу и, соответственно, российское подданство. В первой из них – по г. Вильно и Виленскому повету, – составленной в 1656 г. при воеводе кн. М.С. Шаховском, записаны 46 евреев; во второй – по г. Минску и Минскому повету, – составленной в 1660 г. при поручике П.Л. Воейкове – 21 чел. [7, л. 405–405 об., 467–469 об.; Л. 618–619 об., 624–624 об.]. Вполне возможно, что и в некоторых других крестоприводных книгах содержатся подобные сведения о евреях, которых, кстати, именовали в России «присяжными жидами». Нигде ранее в научной литературе не встречались упоминания ни этой категории еврейского населения, ни приведенного определения. Нам впервые удалось обнаружить данный термин в документах 1656 г., хранящихся в фонде «Сношения России с Польшей», где упомянуты некие гродненские «приказные жиды» [5, л. 121, 307].

Надо иметь в виду, что принятие присяги русскому царю и вступление в российское подданство в данном конкретном случае вовсе не означало принятия христианства – «присяжные жи-

ды» оставались в лоне своей веры. В этом состояло главное отличие евреев – жителей новозавоеванных литовско-белорусских земель от тех евреев, которые попали на территорию Московии в качестве военнопленных. В то же время нам удалось выяснить, что те «польские и литовские люди», которые «вышли на государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца имя» из Смоленска после его длительной осады и освобождения русскими войсками в сентябре 1654 г. – среди них оказалась большая группа евреев, – были приведены к православной вере. В РГАДА сохранилась «Крестоприводная книга под г. Смоленском на Девичьей горе польских и литовских людей и белорусов», содержащаяся в «Приходной книге оброчных денег Галицкой четверти с приходных к ней городов, волостей и посадов» из фонда «Боярские и городские книги». Как следует из этого документа, вместе со шляхтой, мещанами, солдатами, жёлдаками (наемными солдатами), пушкарями и гайдуками «благочестивой» (лютеранской) и католической веры, немцами, а также стрельцами, казаками и пашенными крестьянами осенью 1654 г. под Смоленском добровольно крестились в «православную христианскую» веру и евреи польско-литовской «салдатской службы» [6, л. 29]. Тем самым эти евреи, оставшись как и прочие защитники города «на вечной царской службе», становились полноценными российскими подданными. В отличие от списков остальных категорий принявших православие лиц с указанием конкретных дат, запись о крещении «жидов» сопровождается общей хронологической отметкой: «сентября ж в розных числах», и, может быть, поэтому сводный список евреев-солдат здесь, к сожалению, не приводится. Зато ниже помещен список тех евреев, которые «к вере не приведены» (22 чел.), причем частица «не» явно вписана позднее [6, л. 29–30]. Видимо, писец, по привычке заносивший в книгу лиц, приведенных в православную веру, в данном случае сделал опisku, а потом сам же ее исправил. Однако интересно другое: московские власти, всегда выделявшие евреев из общей массы, сочли необходимым указать тех лиц иудейского вероисповедания, которые по каким-либо причинам не приняли крещение. В отношении других категорий мы такого не наблюдаем. Кроме того, указанная запись в крестоприводной книге показывает, что в XVII в. евреи Польско-Литовского государства служили в армии и участвовали в боях с русскими войсками.

Таким образом, можно констатировать большую значимость дел десятен и крестоприводных книг как источников по истории евреев в России XVII в., которые нуждаются еще в дальнейшем изучении в рамках академической иудаики.

1. Гессен, Ю.И. Евреи в Московском государстве XV–XVII вв. / Ю.И. Гессен // Еврейская старина. – СПб., 1915. – Т. 7. Вып. I. – С. 1–19; Вып. II. – С. 153–173.
2. Гессен, Ю.И. История еврейского народа в России – Л., 1925. – Т. 1. – Ю.И. Гессен. – 242 с.
3. Гессен, Ю.И. Триста лет назад: Евреи в Московском государстве до и после Смуты / Ю. И. Гессен // Восход. – СПб., 1913. – № 9. – С. 34–38.
4. Оглоблин, Н.Н. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа / Н.Н. Оглоблин // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1884. – Кн. 4, отд. II. – С. 161–529.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. Д. 25.
6. РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Галич. Д. 16.
7. РГАДА. – Ф. 145. Оп. 1. Д. 3.
8. РГАДА. – Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 276.
9. РГАДА. – Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 278.
10. Сторожев, В.Н. Опись десятен XVI и XVII веков / В.Н. Сторожев // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1890. – Кн. 7, отд. II. – С. 64–176.
11. Фельдман, Д.З. Документы РГАДА по истории белорусских евреев конца XVIII – начала XIX в.: основные итоги изучения / Д.З. Фельдман // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 192–195.

Богданович Т.В.

ОТЧЕТЫ ДИНАБУРГСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ИЕЗУИТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНФЛЯНТ XVII–XVIII ВЕКОВ

Одной из наименее изученных тем в латвийской историографии является история Инфлянт в период раннего нового времени. Данная тенденция обусловлена сложностями в выявлении источников по данной теме. В Латвии (в Латвийском историческом архиве) хранится лишь небольшая часть документов по истории Инфлянт, в то время как основной пласт источников по указанной теме находится в фондах архивов соседних стран – Беларуси, Польши, России.